

Институциональные дисбалансы в формировании инновационной среды региона: причины, специфика, пути преодоления

В центре внимания – процессы становления и развития инновационной среды региона. Экономические интересы основных институциональных игроков (университетов, бизнеса, государства) де-факто противоречивы. Показано, что инновационный потенциал региона в различных сегментах его экономики (как в частнопредпринимательском, так и государственном) формируется неравномерно, фрагментарно и, зачастую, разнонаправлено. Установлено, что идеология тотального неэкономического принуждения к инновациям вызывает отторжение и скрытое противодействие со стороны ключевых институциональных участников. Предпринята попытка идентификации региона с позиций определения институциональных запросов. В основе исследования и последующих выводов – результаты опросов, проведенных автором, а также данные региональных эмпирических наблюдений.

Ключевые слова: инновация, тройная спираль, инновационная система, институты, региональное развитие, государство, предпринимательство.

Введение. Теоретической платформой становления и развития инновационной экономики России по праву становится теория тройной спирали [5]. Именно синергия основных сил инновационного процесса — науки, государства и бизнеса — определяет саму возможность зарождения инновации и последующей диффузии инновационных эффектов в экономике России.

Вместе с тем в условиях неоднородности хозяйственных отношений, многоукладности периферийных российских регионов стратегия принуждения к инновациям «сверху» наталкивается на саботирование и отторжение со стороны наиболее значимых и влиятельных институтов. Таким образом, проблема выявления природы, специфики институциональных дисбалансов и поиск путей их преодоления в региональных проекциях значительно актуализируется.

В контексте логики сетевого взаимодействия основных акторов инновационного процесса необходимо рассмотреть степень институционального влияния каждого из элементов, составляющих своеобразное множество «государство–наука–бизнес», а также возможность и степень их наложений. В рамках данной статьи внимание фокусируется в большей степени на уровне взаимодействия государства и бизнеса как наиболее сложной и противоречивой системы отношений, репрезентативно и наглядно высвечивающей противоречивое единство всех ее субъектов в российской экономике.

Триада: роль государства. Рациональное вмешательство государства в экономику в части инноваций является на сегодняшний день едва ли не единственным и бесспорным консенсусом во взглядах представи-

Е. А. Мидлер,
д. э. н., профессор экономического
факультета Южного федерального
университета
midler2005@yandex.ru, emidler@sfnu.ru

телей различных экономических школ. С одной стороны, государственное вмешательство рассматривается как способ снижения рисков и затрат на инновации, ликвидируя таким образом ущерб от провалов рынка. Действительно, государственная поддержка способна устранить ограничения к доступу и использованию познавательного потенциала, стабилизировать эффективность инновационной системы в целом [13].

С другой стороны, государство создает стимулы к развитию сетевых взаимодействий, созданию открытых инноваций, обширных зон коллективного доступа к знаниям. Таким путем снижается значимость проблем недостаточной координации рыночных связей, десинхронизации институциональных и технологических изменений, настройки кодификационных параметров инновационной системы в части создания единых технологических платформ, систем стандартизации и сертификации [3].

Применительно к России обозначенная рамочная роль государства перестала быть предметом научных дискуссий. Практика российского хозяйствования смещает акценты с определения места и роли государства в институциональном пространстве в сторону возможности применения наиболее эффективных инструментов государственной политики.

Многие апробированные в различных странах инструменты и способы поддержки инноваций (целевые субсидии, налоговые льготы, инструменты и механизмы финансирования науки) при слепом копировании приводят к искажению институциональной среды. Полнота и широта государственных инструментов воздействия на экономику не проявляется в синергетическом эффекте тройной инновационной спирали,

поскольку государство в российской экономике, по сути, подавляет каждый институт, каждый элемент этой спирали.

Действительно, эффективность любого института, его жизнеспособность определяется отношением к нему влиятельных групп, экономических и политических, социальных и интеллектуальных элит, обладающих правом решающего голоса в отношении проводимых реформ [9], а дефиниция, определяющая элиты как выделенную группу с привилегированным статусом и контролем над организацией общества, уместна по отношению к анализу российской действительности [9].

В России наблюдается парадоксальная ситуация, когда практически все виды элит, формирующие институциональную среду инноваций, явно или имплицитно проектируются самим же государством. Влиятельность той или иной группы (т. е. процесс формирования элиты) определяется степенью близости к государству и власти в целом.

Такие привилегированные группы хозяйствующих субъектов получают доступ к перераспределению ресурсов в свою пользу, поскольку предпочитают клубные блага, основа которых — изъятие сырьевой, а затем и статусной ренты, но отнюдь не инновационной.

Подобное оппортунистическое поведение подавляет стимулы к производственной деятельности, искажает рыночные системы, усугубляет институциональные дисбалансы. И конечно, такие элиты не могут реформировать сами себя («пчелы против меда»). При этом уход государства из традиционных для России сфер институционального доминирования де-факто оборачивается потерями для общества («захват» института собственности, трансформация общественных благ в клубные, частные блага).

Государственная политика: причины институциональных дисбалансов. Первое десятилетие нового тысячелетия многими экспертами оценивается как «активистский», наступательный период в формировании и реализации инновационной политики в России [12]. Однако проблема институциональных дисбалансов на протяжении данного периода не только не была решена, но и значительно обострилась.

На мой взгляд, природа усугубляющихся институциональных дефицитов в условиях обозначенного выше противоречия объясняется следующими причинами. Во-первых, в формировании действительно широкого и всеохватного набора инструментов инновационной государственной политики достаточно четко прослеживаются интересы лоббирующих и конкурирующих между собой структур — как государственных, так и предпринимательских центров влияния. При этом сама инновационная политика отходит на второй план, служит скорее фоном для лоббирования частных интересов, нежели предметом реформирования.

Во-вторых, механическое копирование успешных мировых практик представляется как заимствование формальных параметров без привязки базового принципа копируемого института к специфике и реалиям социально-экономической среды регионов. В результате наблюдается перманентное воспроизводство старых ошибок, а не распространение лучших практик.

Так, достаточно вспомнить различные градации институциональных образований, инициированных «сверху» и призванных стать очагами инновационного экономического роста: свободные экономические зоны, особые экономические зоны, кластеры, технологические платформы, Сколково и т. д. Государство в проектируемой архитектонике инновационного развития российской экономики традиционно относится к наиболее влиятельным экономическим силам. Однако слабая конкуренция государственных институтов в условиях отсутствия институтов гражданского общества провоцирует рентную ориентированность российской экономики.

Институциональные дисбалансы усиливаются под влиянием сырьевого бума, в результате которого повышается привлекательность борьбы за ренту (не носящую инновационный характер) по сравнению с производственной деятельностью. Этот факт наглядно иллюстрирует распределение предпочтений российских выпускников при выборе профессии и ситуация в российском образовании. Быстрый рост чиновничества, перекосы и деформация совокупного спроса приводят к перепроизводству целого ряда профессий (экономистов, юристов, управленцев) [10]. Соответственно экономические интересы основных институциональных игроков триады сосредоточиваются в сырьевом секторе. Административный ресурс (статусная рента) искажает институт собственности и конкуренции, дестимулирует производство инноваций в целом.

Таким образом, консервируются экономически неэффективные, но политически более безопасные формы изъятия ренты (сырьевой и административной). А нарастающее количество реформ увеличивает их коррупционную составляющую и снижает качество институтов. Поскольку создаются всевозможные механизмы защиты рентных изъятий, бремя и издержки проведения самих реформ возлагаются на бизнес и общество¹.

Бизнес в тройной спирали. Сектор крупного бизнеса, сверхкрупных компаний имеет существенный инновационный потенциал. Однако системообразующим элементом этого сектора также является государство, поскольку уровень прямого участия государства в ряде компаний весьма высок. Полностью находятся в государственной собственности такие гиганты, как РЖД, Транснефть, Росэнергоатом, РВК, Роснано и т. д.

Отраслевой состав лидеров российского бизнеса весьма показателен. В основном это сырьевые индустриальные компании, а также институты развития, созданные и контролируемые государством. В 2008–2012 гг. телекоммуникационные и металлургические компании выбыли из списка FT Global 500. В результате к 2012 г. в нем осталось шесть нефтегазовых компаний, две финансовые и по одному представителю металлургической и химической отраслей [1].

Эти компании, откликаясь на вызовы общества, декларируя социально-приемлемое поведение, взамен

¹ Например, в 2015 г. планируется введение нового видачисления на фонд оплаты труда (0,5%) для нужд социального страхования в случае банкротства предприятия. По сути, вводится дополнительный налог для бизнеса.

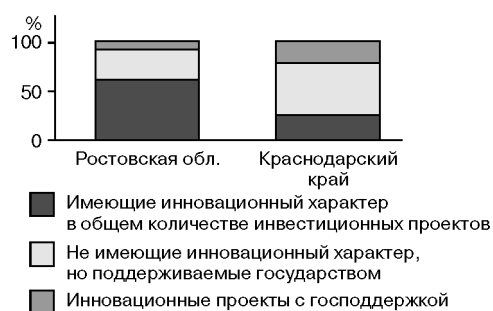

Рис. 1. Региональные инвестиционные проекты по критерию инновационной направленности и их поддержка со стороны государства

Составлено автором по [5]

отстаивают льготы и преференции. Их инвестиционная политика, предпринимательская инициатива крупнейших региональных игроков далеки от стратегии поддержки инновационных проектов. Это отчетливо проявляется при сопоставлении направлений инвестиционного развития и участия в этом процессе государства в Ростовской области и Краснодарском крае (рис. 1).

Анализ полученных данных показывает, что ориентация на инновационную составляющую со стороны частнопредпринимательского сектора в региональных проекциях проектах незначительная. Что касается государственного стимулирования, в рамках Федеральных целевых программ государство активно поддерживает инвестиционные проекты, не обладающие инновационным потенциалом (рис. 1).

Сектор экономики с традиционно высокой нормой добавленной стоимости, сегмент высокотехнологичных компаний с достаточно высоким уровнем инновационной активности обнаруживает демотивированность, отсутствие стимулов к внедрению нововведений. Главным препятствием, как представляется, является вертикальная организация крупного высокотехнологичного бизнеса, недостаточная унификация производимой продукции с трудноосуществимыми в практике хозяйствования процедурами стандартизации и сертификации по международным нормам.

Для крупного бизнеса принцип «не изобретать здесь» крайне важен, поскольку любая кардинальная инновация требует переоснащения и переоборудования производственных возможностей всего вертикально организованного бизнеса. Текущие затраты при этом перевешивают весьма отдаленный эффект. Соответственно, общие меры по развитию конкуренции работают ограниченно или не работают вообще.

Малый и средний бизнес в инновационной спирали. Данный элемент тройной спирали в значительной степени ориентирован на использование инноваций, поскольку обладает гибкостью, маневренностью, характеризуется высокоразвитыми горизонтальными связями, способен перемещать свою деятельность не только из региона в регион, но и в другие страны.

Априорная ориентация малого и среднего бизнеса на развитие инноваций нивелируется его высокой чувствительностью к предпринимательскому климату и отсутствием свободных источников финансирования. Эмпирические данные, полученные в ходе исследований, а также аналитические исследования [2, 14]

позволили установить степень институциональных дисбалансов в региональных проекциях.

Результаты анализа представили достаточно шаблонную картину: во многих регионах Юга России доминируют традиционные отрасли с низкой долей добавленной стоимости. Характерной особенностью Юга России является многоукладность экономики с преобладанием этноэкономики, ориентированной на воспроизводство примитивных форм хозяйствования [6, 8]. Следовательно, костяк региональной экономики образуют традиционные отрасли, а высокотехнологичные — являются их придатками. Влияние высокотехнологичных отраслей на величину и структуру регионального валового продукта также незначительно.

Важно отметить, что отраслевые приоритеты регионов Юга России совпадают с направлениями развития доминирующих отраслей. Зона расширения ядра доминирующих отраслей, как правило, трансформируется в сферу услуг и продвижение региональных брендов. Это не приводит к изменению существующей отраслевой структуры. Таким образом, консервативность доминирующих отраслей является препятствием для формирования и развития новых высокотехнологичных инновационных производств.

Для экономики регионов Юга России весьма характерны проблемы не новой, а «старой» экономики. Многие регионы Северного Кавказа сталкиваются с проблемами энергоснабжения, нехватки строительных материалов, дефицита перерабатывающих предприятий. Однако эти дисбалансы не поддерживаются рыночным спросом в силу высокой капиталоемкости, с одной стороны, и недоверия к государству со стороны бизнеса (в случае использования модели государственно-частного партнерства). Все это приводит к замедлению и приостановке инвестиционных и инновационных процессов в регионах.

Необходимо также отметить, что многие регионы не имеют стратегий планирования и инновационного развития. Эти функции перекладываются на частных инвесторов. Анализ ряда регионов Юга России (Ростовской области, Краснодарского края, Ставропольского края) позволил выявить диспропорции в сроках реализации правительственных программ и частных инвестиционных проектов. Так, усредненный срок реализации инвестиционных проектов составляет 10,5 лет, тогда как срок реализации правительственных программ — 7, 5 лет [2, 4].

Парадоксально, но горизонты частнопредпринимательского инвестирования оказываются гораздо дальше государственных стратегий, что может привести к блокированию инвестиционных проектов и инновационного развития в целом.

И наконец, опросы показали, что большая часть регионов Юга России не имеет инновационной инфраструктуры. Возможно, в регионах с доминирующим влиянием этноэкономики такой потребности априори не существует, но в индустриально развитых регионах острота данной проблемы очевидна.

Приведенные ниже данные иллюстрируют потребность в институтах инновационной инфраструктуры в Ростовской области (рис. 2). Нетрудно предположить, что отсутствие подобных институтов в регионах не

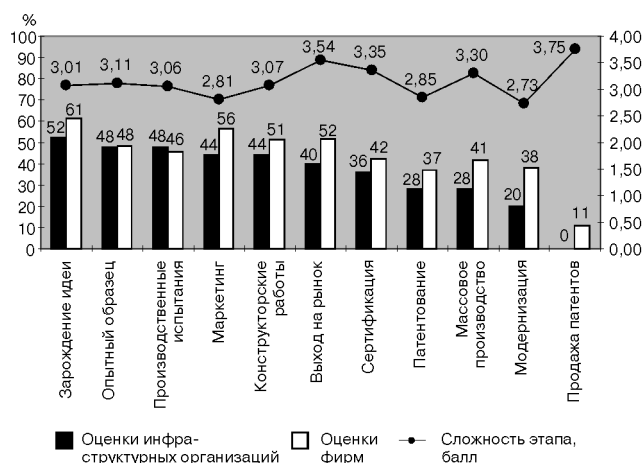

Рис. 2. Ранжирование этапов инновационного производственного цикла по степени взаимодействия с инфраструктурными организациями поддержки малого и среднего инновационного предпринимательства²

предоставляет импульсов к развитию всей инновационной системы региона.

Таким образом, в экономике регионов Юга России превалирует самая примитивная экономика, объективные условия для развития инновационной экономики практически отсутствуют в периферийных сегментах.

Заключение. В условиях нарастающей глобализации ключевую роль в решении проблемы институциональной разбалансированности российских регионов будут играть стратегии глокализации, сочетающие траектории интернационализации и нацеленности на локализацию конкурентных преимуществ региона.

Стимулирование инновационной активности и спрос на инновации возможен только в случае превышения ренты инновационной над пороговыми значениями ресурсной и административной ренты, поскольку эксплуатация и присвоение природных ресурсов и монопольный статус на рынках (при возможности лоббирования государственных предпочтений) выглядит гораздо привлекательнее, чем реализация высокочрезвычайных и рискованных инновационных проектов. На смену принуждению бизнеса к выполнению не свойственных ему функций должна прийти целенаправленная поддержка рыночно ориентированных бизнес-стратегий.

В российских условиях факт принуждения к инновациям свидетельствует о том, что инновационная деятельность не рассматривается менеджерами государственных компаний в качестве перспективной стратегии развития, что отражает искаженную систему стимулов для принятия управленческих решений как в государственных компаниях, так и в секторе малого и среднего бизнеса в региональных проекциях.

² Результаты оценки экспертами (инновационными посредниками) и фирмами малого и среднего предпринимательства представлены в соотношении удельных весов опрошенных респондентов, отметивших тот или иной наиболее важный, по их мнению, этап инновационного производственного цикла (в %). Динамика сложности указанных этапов выстраивалась на основании ответов экспертов, где каждый из критериев оценивался респондентами по пятибалльной шкале.

Эффективное взаимодействие государства и бизнеса в формате тройной спирали не может обуславливаться созданием новых механизмов государственного принуждения. Синергия триады достигается путем перевода государственных компаний в сегмент рыночных через акционирование и приватизацию, оздоровление финансовой системы и снижение инфляции для повышения доступности долгосрочного кредита, через создание финансовых и фискальных стимулов для реализации инновационных проектов как государственными, так и частными компаниями.

***

Статья выполнена при поддержке гранта Южного федерального университета № 213-01-24/2013-173 «Периферийные регионы с многоукладной экономикой в сетях глобализации и в условиях асимметричных практик рыночного регулирования: стратегии и риски модернизации».

Список использованных источников

1. С. Афонцев, С. Дж. Ли. Российский крупный бизнес в условиях глобального кризиса // Вопросы экономики, № 5, 2013.
2. Е. Балацкий. Инвестиционная активность российских регионов: взгляд изнутри // Общество и экономика, № 11, 2009.
3. Ж. Гине, Д. Майсснер. Открытые инновации: эффекты для корпоративных стратегий, государственной политики и международного «перетока» исследований и разработок // Форсайт, Т. 6, № 1, 2012.
4. Инвестиционный атлас регионов Юга России / Под ред. А. Г. Дружинина. Ростов-на-Дону, 2011.
5. Г. Ицкович. Тройная спираль. Университеты – предприятия – государство. Инновации в действии / Пер. с англ.; под ред. А. Ф. Уварова. Томск, 2010.
6. Ю. С. Колесников. Этноэкономика в судьбах модернизации Юга России // Экономический вестник Ростовского государственного университета, Т. 1, № 2, 2003.
7. Н. Н. Лебедева. Инновационная активность предприятий как условие их конкурентоспособности // Журнал институциональных исследований, Т. 2, № 4, 2010.
8. В. Н. Овчинников, Ю. С. Колесников. Этноэкономика как фактор развития // Проблемы прогнозирования, № 1, 2006.
9. Л. Полищук. Аутсорсинг институтов // Вопросы экономики, № 9, 2013.
10. Л. Полищук, Т. Натхов. Инженеры или юристы? Институты и спрос на высшее образование // Вопросы экономики, № 10, 2012.
11. Регионы России: стат. сборник. М., 2012.
12. Российская экономика в 2012 г.: тенденции и перспективы. Вып. 34. М.: Институт Гайдара, 2013.
13. I. Goldberg, G. Gobbard, J. Racin. Igniting innovation: rethinking the role of government in emerging Europe and Central Asia. World Bank, Washington DC.; R. Nelson. The Simple Economics of Basic Scientific Research // Journal of Political Economy, 67 (3), 1959.
14. Предпринимательский климат в России: индекс Опоры 2012. <http://new.opora.ru>.

Institutional imbalance in the formation of an innovative environment of the region: causes, specifics and ways to overcome

E. A. Midler, Doctor of Economics, professor.

In the spotlight are the processes of formation and development of innovative environment of the region. Economic interests of the major institutional players inconsistent. It is shown that the innovative potential of the region in various segments of its economy (as in private business and public) is formed unevenly, fragmentary and often mixed. Found that the ideology of total non-economic compulsion to innovate is rejection and latent opposition from key institutional participants. Identification attempted from the standpoint of determining institutional requests of regions. The basis of the study and subsequent conclusions are the results of surveys conducted by the author, as well as data from regional empirical observations.

Keywords: innovation, triple helix innovation system, institutions, regional development, the state enterprise.